

Сергей Патрушев

**Там, где
кончается лес**

Сергей Патрушев

Там, где кончается лес

<https://litres.ru/74093418>

SelfPub; 2026

Аннотация

Имя стёрто из памяти. Лица жены, голоса детей, тепло родного очага — всё обратилось в пепел, развеянный ветром долгих скитаний. Осталась лишь дорога — бесконечная, бесцельная, уводящая через мёртвые равнины к тёмной стене древнего леса. Тот, кто называет себя Странником, не ищет ответов. Он давно поверил, что прошлое не воскресить.

Но у леса своя правда. Под сенью исполинских крон, где время завязывается в узлы, а деревья шепчут на забытом языке, Странника ждёт встреча, которой он страшился больше всего, — встреча с собственной памятью. Здесь, в самом сердце чащи, ему предстоит узнать, почему сгорел его дом и какая сила стояла за тем пожаром. А ещё — встретить ту, чей голос прозвучит громче любого проклятия. Лиру, девушку с даром исцеления, чья вера окажется способной пробиться даже сквозь толщу многолетней тьмы.

«Там, где кончается лес» — это роман о боли, которая не уходит, и о надежде, которая приходит без приглашения. О том, как сквозь пепел пробивается цветок.

Сергей Патрушев

Там, где кончается лес

Глава первая: Пепел на ветру

Дорога умирала под его ногами. Она не просто заканчивалась — она рассыпалась в пыль, терялась в сухой траве, словно река, ушедшая в песок. Странник остановился на холме, переводя дыхание, и оглянулся назад. Долина, из которой он поднялся, лежала внизу, как выцветший гобелен — лоскутное одеяло полей, давно не знавших плуга, серые проплешины заброшенных деревень, тонкая нить старого тракта. Он шёл по нему много дней, и ему казалось, что он идёт по шраму, оставленному на теле земли каким-то древним, забытым оружием. Впереди же простиралась равнина, и на самом краю видимости, там, где земля смыкалась с выцветшим от зноя небом, угадывались очертания леса. Чёрная полоса, неровная, как излом. Лес был его целью, но сейчас, в этот час, когда солнце клонилось к закату и тени становились длинными и жидкими, эта цель казалась недостижимой.

Он поправил лямку заплечного мешка и в который раз ощутил его жалкую лёгкость. Там, внутри, перекатывался почти пустой бурдюк с водой, лежал завёрнутый в тряпицу засохший кусок хлеба — на один укус, не больше, — и ма-

ленький мешочек с солью. Ещё был нож, старый, с потёртой роговой рукоятью, и огниво. Вот и всё его имущество. Он не помнил, когда у него было больше. Ему казалось, что вся его жизнь — это бесконечное расставание с вещами, с людьми, с воспоминаниями. Он отпускал их, как отпускают в небо птиц с перебитыми крыльями, зная, что они всё равно не выживут. Он и сам чувствовал себя такой птицей, которую какая-то неведомая сила швырнула в полёт без надежды на посадку.

Странник не знал своего имени. Вернее, он знал много имён, которые ему давали в разных землях и разных селениях, но ни одно из них не было настоящим. Его называли Молчуном, когда он неделями не произносил ни слова, боясь спугнуть тишину, что поселилась у него внутри. Его называли Тенью, потому что он приходил с закатом и уходил с рассветом, не оставляя следов ни в глине двора, ни в памяти хозяев. Его называли Блаженным, когда видели, как он говорит с ветром или улыбается, глядя в пустоту. Но сам себя он называл Странником. Это было единственное слово, которое отзывалось в нём болью и правдой. Блуждающий странник, идущий из ниоткуда в никуда.

Он начал спускаться с холма. Трава под ногами была жёсткой и ломкой, она хрустела при каждом шаге, словно он шёл по костям. Где-то высоко в выцветшем небе кружила одино-

кая птица — то ли ястреб, то ли коршун. Странник поднял голову и долго смотрел на неё. Птица тоже была странницей, но у неё было гнездо, были птенцы и была цель в каждом взмахе крыла. У него не было ничего. Только дорога. И пока она есть, есть и он.

Ветер донёс до него запах дыма. Слабый, едва уловимый, но безошибочно человеческий. Где-то впереди был огонь, а значит, и люди. Странник замедлил шаг. Он не боялся людей, но и не искал встречи с ними. Люди всегда чего-то хотели. Расспросить, рассказать, пожалеть, прогнать, накормить, обокрасть. Любое их действие требовало от него ответа, а он давно разучился отвечать. Его душа была похожа на старый колодец — глубокий, тёмный и почти высохший. Бросишь камень — и долго ждёшь всплеска. Но вместо всплеска — тишина. Он забыл слова, которыми можно описать то, что творилось у него внутри.

Однако запах дыма манил его. Он напоминал о чём-то, что было так давно, что уже и не казалось правдой. Может быть, о доме. Но у Странника не было дома. Он попытался вспомнить, было ли когда-нибудь иначе. Перед его внутренним взором проплывали обрывки видений — низкий бревенчатый потолок, чьи-то большие и тёплые руки, женский смех и вкус парного молока. Но как только он пытался ухватиться за эти образы, они рассыпались, как пепел на ветру.

Оставался только горький осадок и ощущение потери, такое огромное и всепоглощающее, что легче было вовсе не вспоминать.

Он шёл на запах. Равнина становилась всё более дикой и неровной. Кое-где из земли выступали замшелые валуны, похожие на спины спящих чудовищ. В одном месте дороге ему перегородил глубокий овраг, на дне которого среди зарослей сухого чертополоха поблёскивала струйка воды. Странник спустился вниз, цепляясь за жёсткие стебли, и долго пил, черпая воду ладонью. Вода была тёплой и отдавала железом, но ему было всё равно. Он наполнил бурдюк, смочил голову и пошёл дальше, уже не так остро ощущая жажду.

Когда он выбрался из оврага, солнце уже почти коснулось линии горизонта. Весь запад пылал оранжевым и алым, и на этом огненном фоне чёрный лес казался крепостной стеной, за которой укрывается сама ночь. А прямо перед собой, метрах в трёхстах, Странник увидел источник дыма. Это был не костёр и не очаг. Это догорал дом.

Он стоял на отшибе, у края небольшой рощицы, которая, видимо, когда-то была частью того самого леса, но теперь отделилась от него полосой вырубки. Дом был неказистым, приземистым, сложенным из тёмных, почти чёрных брёвен.

Крыша провалилась внутрь, и из проёма, который когда-то был дверью, лениво выползали струйки сизого дыма. Огня уже не было видно — только тлеющие угли и пепел. Всё, что могло сгореть, уже сгорело.

Странник остановился на почтительном расстоянии. Инстинкт, выработанный годами одиночества, приказывал ему обойти это место стороной. Пожарище — плохой знак. Там, где огонь пожирал жилище, всегда есть боль. Но что-то удерживало его. Какая-то неясная тревога, чувство, похожее на забытую мелодию. Ему показалось, что он знает этот дом. Что он уже видел эти толстые брёвна и этот покосившийся дымоход.

Он медленно подошёл ближе. Запах гари стал гуще, к нему примешался сладковатый запах палёной шерсти и ещё чего-то, от чего к горлу подступила тошнота. Странник обошёл пепелище по кругу. Земля вокруг была истоптана — множество следов, недавних. Здесь были люди. И они явно торопились. У задней стены, которой почти не осталось, он увидел разбросанные вещи. Глиняный горшок, расколотый надвое. Деревянная ложка с обугленной ручкой. Детская тряпичная кукла, измазанная в саже. Он поднял её. Льняные волосы, вышитые синими нитками глаза. Кукла смотрела на него с немим укором. Странник бережно положил её на обгоревшее бревно и застыл.

Внутри у него что-то дрогнуло. Как будто в том самом высушем колодце кто-то провёл мокрым пальцем по каменной кладке. Он огляделся по сторонам. Солнце село, и сумерки сгущались с ужасающей быстротой. Где-то в роще заухала сова. Её крик был похож на плач ребёнка. Странник вздрогнул. Он должен идти дальше. Ночь в открытом поле, рядом с мёртвым домом, не сулила ничего хорошего. Но ноги не слушались. Он привалился спиной к уцелевшей стене, сложенной, по-видимому, из дуба, и медленно сполз на землю.

Усталость навалилась на него, как дикий зверь. Тысячи вёрст дорог, тысячи часов под солнцем и дождём — всё это разом обрушилось на его плечи. Он закрыл глаза и тут же провалился в тяжёлое, липкое забытьё. Это не был сон в привычном понимании. Это была темнота, полная шёпотов и теней. Он видел пляшущие языки пламени, которые почему-то были холодными, как лёд. Видел тени, что метались между ними, — тени людей, которые кричали беззвучно, открывая рты, полные тьмы. Он слышал чей-то голос, женский, низкий и ласковый. Она пела колыбельную на языке, которого Странник не знал, но слова были понятны без перевода. Они говорили о покое, о конце пути, о доме, где всегда горит свет.

И вдруг посреди этого тёмного хоровода возник глаз. Огромный, золотой, с вертикальным зрачком. Он смотрел

сквозь Странника, видел каждую его мысль, каждое забытое воспоминание. И этот глаз был полон такой древней, нечеловеческой печали, что Странник закричал. Он закричал во всю силу своих лёгких, пытаясь заглушить эту тоску, но его крик утонул в ватной тишине кошмара.

Он очнулся от холода. Ночь уже полностью вступила в свои права. Над головой, в проёме рухнувшей крыши, сверкали звёзды — яркие, колючие, непривычно близкие. Воздух был пропитан запахом сырой золы и ночной фиалки. Сова больше не кричала. Тишина стояла звенящая, торжественная, как в храме. И в этой тишине он услышал шаги.

Они были мягкими, едва слышными, но безошибочно приближались. Хрустнула ветка, потом ещё одна. Кто-то шёл по вырубке от леса прямо к пепелищу. Странник не шевелился. Он слился с обгоревшим дубом, сам стал частью тени. Его правая рука нащупала рукоять ножа. Холодная сталь придала толику уверенности, но страх, липкий и иррациональный, уже расплзался по телу. Это был не страх перед зверем или разбойником. Это был страх перед неизвестным, перед тем, что не укладывается в привычный ход вещей.

Шаги стихли. На фоне звёздного неба, в десяти шагах от Странника, возникла фигура. Человек. Высокий, закутанный в длинный плащ с капюшоном. Лица не было вид-

но, только темнота под капюшоном. Незнакомец стоял неподвижно, глядя на останки дома. Затем он медленно поднял руку, и Странник увидел, что пальцы у него длинные и бледные, почти светящиеся в темноте. Он провёл ими по обугленной балке, и Страннику почудилось, что от прикосновения этих пальцев из балки вырывается слабый, умирающий вздох, словно дерево ещё помнило тепло живших здесь людей.

— Ты пришёл слишком поздно, — произнёс незнакомец. Голос его был тих и глубок, как гул далёкого колокола. Он говорил, не оборачиваясь к Страннику, и всё же тот точно знал, что слова обращены к нему.

Странник не ответил. Язык его присох к гортани. Да и что он мог сказать? Человек в плаще опустил руку и теперь стоял, чуть покачиваясь, словно от ветра, хотя воздух был недвижим.

— Огонь всегда приходит, когда о нём забывают. Или когда помнят слишком сильно, — продолжал человек. — В этом доме он съел и то, и другое. И любовь, и забвение. Пепел — самая горькая еда.

Он медленно обернулся. Под капюшоном блеснули глаза. В них отражался свет звёзд, но отражение это было стран-

ным, искажённым, словно звёзды в его глазах гасли одна за другой. Странник почувствовал, как холод скользнул по позвоночнику, поднимаясь к затылку.

— Ты ищешь дорогу, — сказал незнакомец. Это был не вопрос, а утверждение. — Но куда бы ты ни шёл, ты всегда возвращаешься к началу. Разве ты не чувствуешь этого? Запах этого пепла — разве он не кажется тебе знакомым?

Странник судорожно вздохнул. Действительно, что-то в этом едком, горьком запахе было до боли родным. Не просто запах дыма, а именно этот, особенный — смесь горелого дуба, шерсти и сушёных трав. Сердце его забилося часто-часто, норовя вырваться из груди. Перед глазами снова встала та картина из забытья — тени, кричащие беззвучно, и золотой глаз. Он сильнее сжал рукоять ножа.

— Я не знаю тебя, — прошептал он пересохшими губами. Собственный голос показался ему чужим, скрипучим, как несмазанная тележная ось. — Я просто странник.

— Просто странников не бывает, — ответил человек в плаще, и в его голосе послышалась усмешка, горькая и печальная. — Каждый несёт на своих плечах небо, которое упало когда-то на его дом. Ты несёшь пепел. Я вижу, как он сыплется с твоих волос. Твоё имя — Странник, но оно —

ложь. Ты не странствуешь. Ты бежишь. И этот дом, — он обвёл рукой обугленные руины, — ты обошёл его, чтобы вернуться. Не в первый раз. И не в последний.

Странник хотел возразить, хотел сказать, что видит это место впервые, что он родился за тридевять земель отсюда, но слова застряли в горле. Потому что в глубине души он знал — человек в плаще говорит правду. Этот покосившийся дымоход, этот узор трещин на уцелевшей стене, эта кукла с синими глазами — всё это было частью его кошмаров, тех самых, что мучили его годами. Он просто не позволял себе вспоминать их наяву.

Человек в плаще шагнул к нему. Движения его были плавными, как у зверя, но в то же время угловатыми, как у сломанной марионетки. Он протянул руку и коснулся лба Странника. Прикосновение было ледяным. Не просто холодным, а именно ледяным, как прикосновение смерти. В тот же миг сознание Странника взорвалось калейдоскопом образов, настолько ярких и болезненных, что он застонал и зажмурился.

Он увидел этот дом не сгоревшим, а целым и тёплым. Увидел очаг, в котором плясал огонь, и женщину, что сидела у огня с веретеном. Её лица он не мог разглядеть, но знал, что она прекрасна. Увидел детей — мальчика и девочку, играв-

ших на полу с той самой тряпичной куклой. И увидел мужчину, высокого и широкоплечего, который входил в дверь, отряхивая с волос снег. И в этом мужчине он узнал себя. Молодого, полного сил и надежд. Своё лицо, которого он не помнил уже много лет.

Видение длилось лишь миг, но этого мига хватило, чтобы всё его существо наполнилось такой щемящей тоской, что он завыл. Он выл, как раненый зверь, уткнувшись лицом в колени, а когда поднял голову — человека в плаще уже не было. Лишь ночь и пепел. И звёзды, равнодушно вззирающие на его муку.

Он просидел так до самого рассвета. Не спал, не думал, просто существовал, чувствуя, как внутри него медленно, словно ростки сквозь мёртвую землю, пробиваются воспоминания. Они были отрывочными, путанными, но теперь он знал, что они настоящие. Этот дом был его домом. Эта боль была его болью. И он пришёл сюда не случайно. Что-то вело его, кружило по бескрайним равнинам, чтобы в конце концов привести обратно к началу, к тому, от чего он бежал всю свою сознательную жизнь.

Когда небо на востоке окрасилось в бледно-розовый цвет, Странник поднялся. Ноги затекли, спина ныла, а в душе царил такой же холод и мрак, как на этом пепелище. Он подо-

шёл к тому, что осталось от входа, и перешагнул через обугленный порог. Внутри, под слоем золы и головёшек, он нашёл то, что искал, сам не зная, что ищет. Маленький, чудом уцелевший кусочек металла. Он был оплавлен по краям, но всё ещё сохранял форму. Это был медальон, круглый, с полустёртым изображением. Странник поднял его и, не отдавая себе отчёта, открыл. Внутри была прядь светлых волос и миниатюрный портрет. С выцветшей кости на него смотрело лицо женщины, той самой, что сидела с веретеном у огня. И впервые за долгие, бесконечные годы из его глаз потекли слёзы. Они смывали пепел с его щёк, и в этом плаче не было облегчения. Была только память, вернувшаяся, чтобы остаться навсегда.

Странник надел цепочку на шею, спрятал медальон под рубаху. Холодный металл обжёг кожу, но это тепло было единственным, что теперь связывало его с миром живых. Он развернулся и, не оглядываясь, пошёл прочь от дома. Его ждал лес, чёрный и безмолвный. Но теперь он знал, что лес этот — не убежище и не конец пути. Это лишь новая глава в книге его скитаний. Он больше не был просто Странником, бредущим в пустоту. Он стал Странником, помнящим свой дом. И эта ноша была тяжелее камня, но в ней была жизнь.

Глава вторая: Таинственная незнакомка

Лес принял его не сразу. Он словно колебался, раздумывал, достоин ли этот путник войти под его мрачные своды. Первые деревья стояли редко, как часовые на границе, и между ними ещё гулял ветер, приносящий запахи равнины — сухой полыни, пыли и далёкого дыма. Но чем дальше уходил Странник, тем плотнее смыкались стволы, тем выше вздымались кроны, и вскоре небо над головой превратилось в рваное лоскутное одеяло, сквозь прорехи которого лишь изредка пробивался солнечный свет. Воздух стал влажным и тяжёлым, наполненным запахами прелой листвы, мха и грибов. Тишина здесь была иной, чем на равнине, — не пустой и звенящей, а наполненной, живой. В ней таились шорохи, вздохи, далёкий стук дятла и журчание невидимого ручья. Лес дышал, лес жил своей собственной, скрытой от посторонних глаз жизнью.

Странник шёл уже несколько часов, но усталость, что камнем лежала на его плечах прошлой ночью, куда-то отступила. Её место заняло странное, тревожное возбуждение. Медальон на груди то охлаждал кожу, то вдруг становился обжигающе горячим, словно живое сердце, бьющееся в такт его собственному. Он не решался достать его и посмотреть на портрет снова. Ему казалось, что если он сделает это сейчас, посреди этого древнего, равнодушного леса, то не выдержит, упадёт на колени и завоет, как ночью на пепелище. А лес не прощал слабости. Странник чувствовал это каждым нервом

— за ним наблюдают. Не люди, нет. Что-то иное, бесформенное и вездесущее, прячущееся в колыхании теней и игре света на замшелых стволах.

Он старался держаться тропы, хотя назвать это тропой можно было лишь с большой натяжкой. Скорее, звериная тропка, протоптанная оленями и кабанями, петляла между огромными валунами, давным-давно обросшими толстым ковром изумрудного мха. Корни деревьев, похожие на скрюченные пальцы, то и дело цепляли его за ноги, норвя опрокинуть на землю. Ему приходилось перепрыгивать через замшелые стволы упавших великанов и продираться сквозь заросли колючего кустарника, который оставлял на его одежде и коже длинные, быстро набухающие кровью царапины.

Около полудня он вышел к ручью, чьё журчание слышал уже давно. Вода была тёмной, почти чёрной, но чистой и холодной, как смерть. Странник опустился на колени на влажный песок, зачерпнул воду ладонями и долго пил, чувствуя, как холод растекается по телу, смывая не только жажду, но и липкую плёнку ночных кошмаров. Потом он умылся и сел, прислонившись спиной к шершавому стволу старого дуба, что рос у самой воды. Дуб был огромен, его раскидистые ветви создавали над головой плотный шатёр, почти не пропускавший дневного света. В этом сумраке Странник наконец решился. Он расстегнул ворот рубахи, дрожащими пальца-

ми вытащил медальон и открыл его.

Женщина смотрела на него всё тем же спокойным, чуть печальным взглядом. Художник, рисовавший миниатюру, был, видимо, не слишком искусен, но ему удалось ухватить главное — выражение глаз. В них была любовь, глубокая и безусловная, и одновременно какая-то обречённость, знание того, что неминуемо должно случиться. Волосы её, как помнил Странник из своего видения, были светлыми, цвета спелой пшеницы, но на портрете, выцветшем от времени, они казались просто серыми. Он поднёс медальон ближе к лицу, надеясь уловить хоть какой-то забытый запах, но пахло только старой костью и холодным металлом. Прядь волос внутри была тонкой и мягкой. Он прикоснулся к ней кончиком пальца, и в ту же секунду его пронзила острая, как удар ножа, боль в груди. Не физическая — душевная. Боль воспоминания.

Перед его внутренним взором пронеслась сцена, яркая и отчётливая, словно это было вчера. Зимний вечер. За окнами воеет выюга, швыряя в ставни пригоршни колючего снега. В очаге потрескивают дрова, отбрасывая пляшущие тени на бревенчатые стены. Он сидит на лавке, держа на коленях маленькую девочку с льняными волосами, а она, та самая женщина, сидит напротив и прядёт шерсть. Её пальцы ловко скручивают нить, и она напевает вполголоса ту самую

колыбельную, что звучала в его кошмаре. Мальчик, постарше, сидит на полу и вырезает что-то ножом из деревяшки, а у его ног лежит большой лохматый пёс, постукивая хвостом по половицам. В доме тепло, пахнет хлебом и сушёными травами, и нет в мире силы, способной разрушить этот покой.

Видение рассеялось так же внезапно, как и появилось. Странник обнаружил, что сидит, зажмурившись, по его щекам снова текут слёзы. Он не помнил, когда плакал в последний раз до прошлой ночи, а теперь это случалось с ним с пугающей лёгкостью. Он резким движением захлопнул медальон и спрятал его обратно под рубаху. Нельзя поддаваться. Не сейчас. Лес не прощает слабости.

Поднявшись, он отряхнул с одежды налипший песок и огляделся. Ручей, у которого он сидел, уходил куда-то в самую чащу, туда, где стволы деревьев смыкались так плотно, что напоминали частокол древней крепости. И там, среди этих тёмных стволов, ему почудилось движение. Не зверь, не птица — что-то высокое и стройное, мелькнувшее и тут же исчезнувшее. Странник замер, обратившись в слух. Стук дятла стих. Даже ручей, казалось, журчал тише. Он пристально вглядывался в сумрак, но видел лишь неподвижную стену леса. Показалось, решил он. Мало ли что может привидеться усталому путнику в этом царстве теней.

Он перепрыгнул через ручей и углубился в чашу. Здесь было ещё темнее. Под ногами пружинил толстый слой опавшей хвои и перепревших листьев, скрадывая звук шагов. Странник двигался почти бесшумно, как и подобает тому, кто привык быть незаметным. Папоротники, достигавшие ему до пояса, мягко расступались перед ним и смыкались за спиной, словно воды тёмного моря. Где-то высоко в кронах перекликались невидимые птицы, и их крики были похожи на скрип несмазанных петель. Он продолжал идти, сам не зная куда. После встречи с человеком в плаще и обретения медальона прежняя бесцельность его скитаний исчезла. Теперь у него была пусть смутная, но цель — понять, что же случилось с его семьёй, с его домом, с ним самим. И лес казался ему не просто препятствием на пути, а хранилищем ответов, которые он так долго искал, сам того не ведая.

Чем дальше он продвигался, тем более странным становился лес. Деревья здесь были не просто старыми — они были древними, как мир. Их стволы, покрытые глубокими морщинами коры, изгибались под неестественными углами, образуя арки и своды. Некоторые из них срослись друг с другом, переплелись ветвями, словно влюблённые, застывшие в вечном объятии. Другие, наоборот, расступались, образуя небольшие поляны, залитые призрачным зеленоватым светом. На одной из таких полян Странник остановился, чтобы перевести дух. Посередине рос огромный цветок, похо-

жий на лилию, но угольно-чёрного цвета. Он источал сладковатый, дурманящий аромат, от которого кружилась голова. Странник поспешил обойти поляну стороной.

Он начал замечать, что за ним действительно кто-то идёт. Это не было игрой воображения. Теперь он отчётливо слышал лёгкие шаги за спиной, которые затихали, стоило ему остановиться, и возобновлялись, как только он делал следующий шаг. Шаги были явно человеческими — слишком лёгкими для зверя, но слишком уверенными для случайного путника. Кто бы это ни был, он знал лес как свои пять пальцев и умел передвигаться совершенно бесшумно. То, что Странник его слышал, означало лишь одно — незнакомец хотел быть услышанным.

Странник сделал вид, что ничего не замечает. Он продолжал идти, но теперь его рука вновь лежала на рукояти ножа, а все чувства обострились до предела. Он ждал нападения, окрика, чего угодно. Он выбирал путь так, чтобы всё время иметь за спиной какое-то укрытие — толстый ствол дерева или большой валун. Но тот, кто шёл за ним, был терпелив. Проходил час за часом, солнце, невидимое за кронами, уже начало клониться к закату, наполняя лес густыми оранжевыми сумерками, а преследователь всё не выдавал себя.

Наконец, когда Странник, утомлённый игрой в кош-

ки-мышки, остановился у небольшого озера с чёрной, неподвижной водой, шаги за спиной стихли в последний раз. И вместо них раздался голос. Он был негромким, мелодичным и совершенно лишённым той угрозы, которую ожидал услышать Странник.

— Ты далеко забрёл, путник. Дальше, чем большинство осмеливается.

Странник медленно обернулся, держа руку на ноже. В десяти шагах от него, опираясь спиной о ствол старой ивы, стояла женщина. Высокая, стройная, в длинном платье из какой-то струящейся, переливающейся в сумерках ткани, похожей на лунный свет. Её волосы были распущены и спадали на плечи и спину тяжёлыми волнами цвета воронова крыла. Лицо, обрамлённое этими тёмными волосами, казалось бледным, почти светящимся, но не болезненной, а какой-то потусторонней белизной. Черты его были тонки и правильны, но главное, что поразило Странника, — это её глаза. Огромные, миндалевидные, они были цвета тёмного янтаря с золотыми искорками, которые, казалось, медленно перетекали от зрачка к радужке. И в глубине этих глаз таился тот самый нечеловеческий, древний покой, который он видел ночью в глазах человека в плаще. Но здесь к нему примешивалось что-то ещё — любопытство и странная, непонятная печаль.

Странник не мог вымолвить ни слова. Он стоял как громом поражённый, чувствуя, как всё его существо наполняется трепетом, смешанным с непонятым узнаванием. Ему снова казалось, что он её знает. Что он уже видел этот изгиб бровей и эту мягкую, чуть грустную улыбку, что тронула её губы, пока он разглядывал её.

— Кто ты? — наконец выдавил он хриплым, непослушным голосом.

— У этого леса много имён, странник, — ответила она, слегка склонив голову набок. Её голос звучал как музыка, как перезвон далёких колокольчиков. — И у меня их не меньше. Кто-то зовёт меня Хранительницей. Кто-то — Лесной Девой. Старые люди из деревень, что жмутся к опушке, называют меня просто — Та, что живёт в чаще. Но для тебя, — она сделала лёгкий, почти неуловимый шаг вперёд, и её платье заструилось, как жидкое серебро, — для тебя я просто та, кто знает твой путь. И твою боль.

Странник невольно отступил на шаг. Её слова эхом вторили словам ночного гостя с пепелища.

— Откуда тебе знать о моей боли? — спросил он с вызовом, хотя голос его предательски дрогнул.

— Я знаю всё, что происходит в моём лесу, — она обвела рукой вокруг, и этот жест охватил, казалось, не только поляну, но и весь бескрайний лесной массив. — Каждую сломанную ветку, каждую упавшую слезу, каждый крик, что эхом отдаётся от корней. Твоя боль звенит так громко, что я слышала её ещё вчера, когда ты только ступил под сень этих крон. Она звенит в лад с той болью, что пропитала землю на твоём пепелище. Ты потерял больше, чем можешь вместить. И ты пришёл сюда, сам того не зная, чтобы найти утраченное.

— Это мой дом сгорел, — тихо проговорил Странник, и рука его сама собой потянулась к груди, туда, где под рубахой лежал медальон. — Моя семья... Я ничего не помню. Только видения, обрывки. Я не знаю, что случилось. Может быть, мне и не суждено узнать.

— Суждено, — твёрдо сказала женщина, и в её янтарных глазах блеснула стальная решимость, мгновенно разрушившая образ эфемерного лесного духа. — Иначе ты бы не вернулся. Дороги, что ведут к этому лесу, не случайны. Они сплетаются в узел, и ты стоишь в самом его центре. Но путь к ответам долог и тёмн. Он лежит через самую чашу, через такие дебри, куда даже я не решаюсь заходить без нужды.

Она замолчала и внимательно посмотрела на Странника, словно оценивая его силы и решимость. Лес вокруг них затих совершенно. Даже вездесущие птицы умолкли, и тишина стала такой глубокой, что Странник слышал биение собственного сердца и тихое потрескивание, с которым медальон нагревался на его груди.

— Ты поможешь мне? — спросил он, и в этом вопросе было всё — надежда, страх, отчаяние человека, стоящего на краю бездны.

Женщина улыбнулась. Улыбка её была прекрасна и печальна одновременно, как вид увядающего цветка.

— Я могу указать тебе путь, Странник, — ответила она, делая ещё один шаг к нему. Теперь их разделяло всего несколько метров. — Но пройти его ты должен сам. Я не в силах вернуть тебе то, что забрал огонь, и не в силах исцелить раны, что кровоточат в твоей душе уже много лет. Но я могу провести тебя к Сердцу Леса. Там, где сплетаются корни всех деревьев и где время течёт не так, как в мире людей. Там ты сможешь задать свои вопросы. И, возможно, получишь на них ответы. Но знай, — её голос понизился до шёпота, а янтарные глаза потемнели, — правда, которую ты ищешь, может оказаться страшнее неведения. Готов ли ты узнать, почему твой дом стал пеплом, а твоя душа — пусты-

ней? Готов ли ты увидеть лицо того, кто это сделал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.